

СОЛНЦЕ

РОССІИ

Памяти А. П. Чехова.
(1904-1914 г.)

СОЛНЦЕ РОССИИ

*Незабвенной памяти
Антон Павловича Чехова
посвящается этот номер.*

Двѣ встрѣчи съ А. П. Чеховымъ.

Ө. Д. Батюшкова.

Мнѣ пришлось нѣсколько лѣтъ переписываться съ А. П. Чеховымъ (съ 1898 г.), но видѣлся я съ нимъ лишь дважды, въ послѣдніе два года его жизни.

Первая встрѣча произошла въ Москвѣ, весной 1902 года. Пробѣдомъ на югъ Россіи, между двумя поѣздами, я заѣхалъ къ нему безъ предупрежденія, на авось. На вопросъ—дома ли

голоса. Болѣзнъ чувствовалась въ морщинахъ, въ землистомъ вѣдѣтѣ лица, въ чемъ то потухающемъ за первымъ оживленіемъ. Антонъ Павловичъ сѣлъ спиной къ свѣту. Въ комнатѣ были еще—его жена и артистъ А. Я. Вишневицкій. Черезъ нѣсколько минутъ первая робость при встрѣчѣ съ знаменитымъ писателемъ, котораго заочно я такъ любилъ и такъ благоговѣлъ передъ нимъ, прошла, и я почувствовалъ себя какъ съ добрымъ, стариннымъ знакомымъ, удивительно ласковымъ, внимательнымъ, сердечнымъ. Говорили о политикѣ, перебирали общихъ знакомыхъ; Антонъ Павловичъ расспрашивалъ о настроеніяхъ въ Петербургѣ и жаловался, что Ялта ему сильно надоѣла.

Напомнилъ о болѣзни Антона Павловича машинный жестъ, который я сдѣлалъ, взявшись за папиросникъ и обратившись къ хозяйкѣ за разрѣшеніемъ. Вишневицкій покачалъ головой и сказалъ, что курить не полагается, но Антонъ Павловичъ, слегка насупивъ брови, остановилъ его: «вы видите, окно открыто, я очень прошу васъ—закурите», и самъ подаль мнѣ спички. Я подошелъ къ окну и только для того, чтобы не подчеркнуть своей неловкости, раза два затушевалъ и бросилъ папиросу за окно. Но я уже не могъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что передо мной сидитъ приговоренный чело-вѣкъ. Антонъ Павловичъ опять вернулся къ вопросамъ внутренней политики, настаивая на неизбежности скораго введенія у насъ конституціи. Меня поразила эта настойчивость въ желаніи показать, какъ его занимаютъ общественные вопросы. «Объ искусствѣ поговоримъ въ другой разъ»,—сказалъ онъ въ заключеніе.—«Вотъ прѣду въ Петербургъ, дамъ знать. Нужно, очень нужно мнѣ побывать въ Петербургѣ, давно не былъ». Мы простились.

Въ Петербургъ онъ дѣйствительно, прѣхалъ черезъ годъ и далъ мнѣ знать черезъ К. П. Пятницкаго—прійти къ нему. Я попалъ только въ 11-мъ часу вечера. Былъ Горькій, еще нѣсколько чело-вѣкъ. Антонъ Павловичъ отозвалъ меня въ сторону и шепнулъ: «Заканчиваю новую пьесу»...—«Какую? Какъ она называется? Какой сюжетъ?»—«Это Вы узнаете, когда будетъ готова. А вотъ Станиславскій,—улыбнулся Антонъ Павловичъ,—не спрашивалъ меня о сюжетѣ, пьесы еще не читалъ, а спросилъ, что въ ней будетъ, какъ звуки? И, вѣдь, представилъ, угадалъ и нашелъ. У меня тамъ, въ одномъ явленіи, долженъ быть слышанъ за сценой звукъ, сложный, коротко не расскажешь, а очень важно, чтобы было именно то, что я хочу. И, вѣдь, Константинъ Сергѣевичъ нашелъ, какъ разъ то самое, что нужно»... А пьесу въ кредитъ принимаемъ—она сама улыбнулась Антонъ Павловичу.—«Неужели это такъ важно—этотъ звукъ?»—спросилъ я. Антонъ

Павловичъ посмотрѣлъ строго и коротко отвѣтилъ: «нужно». Потомъ улыбнулся: «А Вамъ сюжетъ хочется знать». Нѣтъ, теперь не буду рассказывать, а только скажу, что театр—ужасная вещь. Такъ это затягиваетъ, волнуетъ, поглощаетъ... Пойдемте пройдемъ—неожиданно предложилъ онъ. Мы вышли на Невскій. Антонъ Павловичъ сперва сказалъ,

*) Этотъ звукъ—подобный отдаленному шуму улавающей ладьи въ шахтѣ играетъ, какъ известно теперь, особую роль въ «Вишневомъ саду», во второмъ актѣ и въ послѣдней картинѣ. Чеховъ придавалъ ему полумистическое значеніе. Тотъ же звукъ упоминается въ одномъ изъ его болѣе раннихъ рассказовъ.

А. П. Чеховъ въ своемъ саду, въ Мелиховѣ (1892 г.). (Соб. Ив. П. Чехова)

Антонъ Павловичъ,—сперва я услышалъ, вѣроятно, общее распоряженіе для всякаго новаго лица: «дома нѣтъ». Я подаль карточку, сказалъ, что уѣзжаю въ тотъ же день съ шестичасовымъ поѣдомъ, и просилъ доложить Ольгѣ Леонардовнѣ Чеховой, съ кторой еще раньше имѣлъ случай познакомиться. Черезъ минуту меня пригласили войти въ кабинетъ; быстрымъ, бодрымъ шагомъ взошелъ Антонъ Павловичъ, съ веселой улыбкой, пріятливый, радушный: «наконѣцъ-то, давно пора... Ну, что, скоро у насъ будетъ конституція?» Наружность его много разъ описывали. Я помню, меня поразила только одна черта—высокій ростъ, болѣе высокий, чѣмъ я представлялъ себѣ. Затѣмъ, покоряли насъ: удивительно пріятный тембръ,

что проводить меня до Литей-наго, а потом я проводилъ его до Надеждинской, онъ снова повернулъ, и такъ раза три прошлись взадъ и впередъ. Антонъ Павловичъ почти исключительно говорилъ о театрѣ, но не о произведеніяхъ, и не о принципахъ драматическаго искусства, и не объ его задачахъ, а болѣе непосредственно—о тѣхъ испытаніяхъ, черезъ которыя проходитъ драматургъ, о томъ, какъ постановка новой пьесы изматываетъ нервы и какая все-таки въ театрѣ огромная притягательная сила. «Лучше, много лучше писать повѣсти и рассказы. Себѣ больше принадлежишь. Владѣешь больше и собой, и своимъ матеріаломъ, не...»

Было много личнаго въ его признаніяхъ, чего-то наболѣвшаго, и говорилъ онъ отрывисто, какъ бы самъ съ собой. Я только изрѣдка подавалъ реплики. На ходу А. П. вынималъ по временамъ изъ бокового кармана коробочку, въ которую откашливался. Я понялъ и сталъ опасаться, что ночная прогулка врядъ ли ему въ пользу. Но Антонъ Павловичъ предложилъ еще пройтись и заговорилъ о томъ, что онъ прѣдетъ зимой въ Петербургъ на болѣе продолжительный срокъ. «Теперь я только на рекогносцировку,—пошутилъ онъ.—Завтра уѣзжаю, но вернусь, непременно вернусь, тогда вдоволь потолкуемъ, а теперь до свиданья».

Больше я его не видѣлъ. Последнее письмо, которое я отъ него получилъ, датировано 19 января 1904 г. Въ немъ какъ разъ шла рѣчь о первомъ представленіи пьесы, о которой онъ столько мнѣ говорилъ, не называя ее,—о «Вишневомъ Саду». Возражая на «незаконность» устроенаго ему юбилея, который, по его расчетамъ, долженъ былъ прійтись лишь въ 1905 году, Антонъ Павловичъ писалъ мнѣ: «Какъ бы то ни было, на первомъ представленіи «Вишневаго Сада», 17-го января, меня чествовали, и такъ широко, радужно и въ сущности такъ неожиданно, что я до сихъ поръ никакъ не могу прійти въ себя... Если Вы прѣдете на масленицу, то это хорошо. Только, какъ думается, не раньше масленицы наши актеры придутъ въ себя и будутъ играть «Вишневый Саду» не такъ растерянно и не ярко, какъ тебѣ рѣ...» На масленицу я, однако, не поѣхалъ въ Москву и увидѣлъ «Вишневый Саду» впервые, лишь когда Московскій Художественный Театръ привезъ его постановку въ Петербургъ... Мнѣ думается, что та «растерянность» и «неяркость» игры, о которыхъ писалъ Антонъ Павловичъ послѣ перваго представленія и слѣдовательно которыхъ не было и въ поминѣ, когда я впервые увидѣлъ пьесу,—были скорѣе его субъективнымъ воспріятіемъ въ результатъ его болѣзненно-страннаго отношенія къ произведенію, которое было его лебединой пѣсней. Возможно, впрочемъ, что и артистовъ охватило волненіе въ связи съ чествованіемъ любимаго писателя и, кто знаетъ, смутнымъ предчувствіемъ, что этотъ досрочный юбилей былъ роковымъ празднованіемъ того, чье имя создало славу и Московскаго и Художественнаго Театра.

А. П. Чеховъ въ своемъ саду, въ Мелиховѣ (1892).

(Соб. Ив. П. Чехова).

Теперь, черезъ десять лѣтъ, пьеса идетъ въ новомъ составѣ. Только О. Л. Книпперъ-Раневская остается въ прежней роли, которую ведетъ съ тѣмъ же обаяніемъ и мастерствомъ. И какъ-то трудно себѣ представить, чтобы въ будущемъ нашлась равная ей исполнительница, которая сумѣла бы воплотить всѣ оттѣнки этого сложнаго и съ такой задушевностью созданнаго образа въ одной изъ лучшихъ пьесъ Чехова.

